

Н. М. Маркдорф

Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ И РЕЖИМ СОДЕРЖАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИНТЕРНИРОВАННЫХ В СИБИРСКИХ ЛАГЕРЯХ В 1945—1950 ГГ.

Принята к публикации 06.11.2019

В статье дан анализ проблем обеспеченности лагерей Сибири кадрами и охраной иностранных военнопленных и интернированных в 1945—1950-х гг., которые рассматривались и решались как на государственном, так и на региональном уровне. Несмотря на низкий кадровый потенциал, проблему систематического недокомплекта боевого состава гарнизонов конвойных войск и вневедомственной охраны в 1947—1948 гг. удалось во многом решить. Это стало возможным благодаря комплексу проведенных административно-воспитательных мероприятий: сокращению нерентабельных и малокомплектных отделений, укомплектованию лагерей освободившимися квалифицированными офицерами, вахтерами и вольнонаемными сотрудниками, укреплению воинской дисциплины, боевой и служебной подготовки личного состава, усилению контроля со стороны политотделов и оперативных отделов, активизации агентурно-осведомительской деятельности. Удалось сократить количество побегов.

Статья написана на основе широкого круга архивных источников.

Ключевые слова: военнопленные, интернированные, лагеря для военнопленных и интернированных, Сибирь, режим содержания, охрана военнопленных, конвойные войска.

DOI: 10.32324/2412-8945-2019-3-73-83

В послевоенный период режим содержания пленных и интернированных в лагерях, отдельных рабочих батальонах (ОРБ) и спецгоспиталях регулировался серией общесоюзных приказов, инструкций и предписаний. В 1946 г. руководством Главного управления военнопленных и интернированных (ГУПВИ) был составлен и опубликован «Сборник приказов и директив НКВД-МВД СССР по вопросам режима и охраны военнопленных в лагерях МВД», содержащий нормативные документы 1941—1946 гг. На отделы режима и охраны управлений НКВД-МВД СССР по делам военнопленных и интернированных были возложены такие обязанности: разработка инструкций и правил по поддержанию внутреннего распорядка, программ по улучшению боевой, служебной и политической подготовки конвойных войск (КВ) и контроль над их исполнением; проведение оперативных мероприятий по ликвидации побегов; осуществление административного расследования правонарушений работников лагерей [53]. Контроль над соблюдением правил охраны в отдельных рабочих батальонах Народного комиссариата обороны СССР (НКО СССР) осуществляли народные комиссары внутренних дел союзных и автономных республик, начальники управлений НКВД краев и об-

ластей [41]. Командиры батальонов представляли донесения о чрезвычайных происшествиях в батальонах. Правила содержания и режима для военнопленных были определены в 1941 г. приказом НКВД СССР № 001067. В основу внутреннего распорядка лагерей были заложены положения устава внутренней службы Красной Армии. В соответствии с ними осуществлялись подъем и отбой военнопленных, питание, вывод на работу и др.

Наружная охрана лагеря и конвоирование при этапировании военнопленных осуществлялись частями конвойных войск НКВД-МВД СССР, которые формировались из офицеров запаса Вооруженных сил СССР; участников Великой Отечественной войны, состоящих на учете в местных районных и городских военкоматах; вольнонаемных граждан, а также вахтерских подразделений. Все сибирские лагеря для военнопленных охранялись в зоне и на производстве боевым составом конвойных полков [41]; контингент спецгоспиталей и ОРБ — вахтерским составом. Отдельные руководящие и оперативные работники назначались из сотрудников УМВД края и областей.

Предусматривалось, что набор вольнонаемной охраны (ВОХР) будет производиться из числа проверенных, физически крепких, идеологически грамотных лиц, прошедших службу в частях НКВД-МВД и РККА, директо-

рами промышленных предприятий при участии командира части на срок не менее одного года. Количество и дислокация постов вахтеров для охраны военнопленных и интернированных на производстве устанавливались администрацией предприятий совместно с командиром части НКВД. Для удобства управления, организации службы, боевой подготовки вахтеры и сторожа были сведены в подразделения, возглавляемые преимущественно начальниками из числа командного состава.

Во всех конвойных полках имелся большой недокомплект боевого состава (примерно 25—30 %) на протяжении всего периода существования сибирских лагерей [38], поэтому служебная нагрузка на гарнизон и вахтсостав в лаготделениях составляла 10—12 часов в сутки. За счет этого снижались бдительность служебных нарядов, качество несения службы, боевая и политическая подготовка. Например, вследствие неуккомплектованности гарнизона КВ и ВОХР в Кемеровской и Иркутской областях и в Алтайском и Красноярском краях военнопленные выводились на работу крупными партиями (120—150 человек) в сопровождении одного-двух конвоиров [40]. Охрана контингента практически не обеспечивалась на мелких, не предусмотренных приказами МВД СССР подкомандировках.

На начало мая 1943 г. по Управлению лагеря № 93 в Тюмени из положенных по штату 84 человек в наличии имелось 53, а по семи участкам вместо 368 человек — 260 [34]. Кадровый дефицит около 20 % испытывали все алтайские лагеря [9]. Новосибирский лагерь № 199 по штату был полностью укомплектован. Большой недостаток конвоиров испытывал лагерь № 7, рассредоточивший военнопленных в многочисленных (до 50 человек) лагерных отделениях вдоль строящейся железной дороги Тайшет-Братск. Штатным расписанием предусматривалась охрана лишь девяти лагерных отделений. Здесь зимой в ночное время зоны некоторых лагерных отделений охранялись одним постом, а днем охрана отсутствовала. Военнопленные выводились на работы в основном под охраной вспомогательных команд. Ввиду многочисленности бригад обеспечить охрану каждой из них было невозможно, поэтому производили оцепление нескольких производственных объектов вспомогательными командами. На 10—15 производственных точек выделялось по одному-два конвоира [39]. Недокомплект личного состава в сибирских лагерях до 1947 г. во многом объяснялся существенной текучестью лагерного персонала. Интернированные на хозяйственных объектах работали под охраной вахтеров, но в основном под надзором мастеров и бригадиров. Для этой категории существовал ряд ограничений. В частности, запрещался уход с рабочих мест и хождение по территории предприятий.

Несмотря на то что около 30 % военнопленных имели среднее образование, большин-

ство из них не обладали навыками оперативной работы. Более 70 % офицеров, прибывших для пополнения охраны лагеря, ранее в органах НКВД не служили и поэтому специфики работы с военнопленными не знали [35]. Как следствие, в их работе проявлялись слабая бдительность, излишняя доверчивость к контингенту, низкие дисциплина и моральная устойчивость [42].

В отчетах начальников сибирских лагерей о политико-моральном состоянии хозяйственного аппарата, служащих гарнизона, конвойных войск и вахтерского состава приводятся многочисленные сведения о наличии случаев пьянства, разгильдяйства, безответственности, посягательств на личное имущество, оскорбления чести и достоинства, хищения социалистической собственности, морально-бытового разложения (связь с контингентом), недовольства службой, неправомерного применения табельного оружия, иногда убийства местных жителей. Как отмечали начальники управлений сибирских лагерей, более 30 % аморальных проявлений были допущены офицерским составом на почве злоупотребления спиртными напитками.

Приведем лишь отдельные, но ставшие типичными факты. В феврале 1947 г. начальник лаготделения № 2/503 (Кемеровская область) охрану склада и даже учет оружия доверил военнопленным, в результате склад был разграблен и накануне празднования 29-й годовщины Советской армии сожжен. Пожаром причинен ущерб государству на сумму 176 898 руб., часть пленных, уличенных в воровстве, приговорили к высшей мере наказания, а должностное лицо уволили из органов МВД и отдали под суд [25]. Как показала практика, администрация лагеря из данного факта выводов не сделала, так как весной 1948 г. произошел аналогичный случай. Вахтер 4-го лаготделения самовольно ушел с дежурства. В его отсутствие начался пожар в сушилке, где сгорело 24 комплекта белья. Предотвратить пожар оказалось некому. Стоимость сгоревшего лагерного имущества на сумму 1 300 руб. он возместил, просидев перед этим на гауптвахте в течение 5 суток [46].

Серьезной проблемой стали «неуставные отношения» лагерного персонала с гражданским населением. Так, в феврале 1946 г. самовольно покинув расположение лагеря, вахтеры устроили драку с местными жителями у клуба завода имени газеты «Правда» [43]. В январе 1946 г. в Рубцовске состоялся открытый судебный процесс над вахтерами лагеря № 511, которые, находясь в клубе Алтайского тракторного завода (АТЗ), ввязались в драку с местной молодежью, в результате чего один из охранников был жестоко избит и с тяжелыми телесными повреждениями доставлен в городскую больницу, а у другого отобрали табельное оружие.

Как показало следствие по данному делу, на почве мести за поруганную честь товарищей вооруженные автоматом 20 вахтеров совершили налет на молодежный клуб АТЗ, увели в лагот-

деление № 7 девять местных жителей, жестоко избили их и после содеянного разбежались [11].

К уголовной и дисциплинарной ответственности в лагерях МВД СССР для военнопленных лишь в одной Кемеровской области за период 1945—1949 гг. привлекли 1 110 военнослужащих гарнизона конвойных войск и вахтерского состава, допустивших нарушения трудовой и воинской дисциплины [47, л. 34]. Уволили в результате «невозможности дальнейшего использования» и служебного несоответствия 496 офицеров, вахтеров и сотрудников иного персонала лагерей. Были отданы под суд Военного трибунала 142 человека [47, л. 33, 34].

Заметное улучшение в подборе лагерного персонала началось со второй половины 1947 г., а к 1948 г. кадровый недокомплект во всех лагерных сферах составил не более 8—10 % [47, л. 35]. Это стало возможным благодаря широкому комплексу политико-административных мероприятий, проведенных административными аппаратами и отделами кадров УМВД, сокращению нерентабельных лагерных отделений и, соответственно, переукомплектованию лагерей высвобождаемыми квалифицированными, морально устойчивыми, проявившими себя с лучшей стороны на практической работе офицерами, вахтерами и вольнонаемными сотрудниками.

От качества выполнения служебных обязанностей административно-хозяйственным аппаратом и персоналом напрямую зависели вопросы организации режима содержания военнопленных и интернированных и состояния охраны лагерных зон. В августе 1946 г. проверка, проведенная по лагерям для военнопленных ответственным инспектором ГУПВИ МВД СССР, выявила следующее: 1) в большинстве лаготделений ограждения зон были сделаны из наспех сколоченных деревянных заборов, зачастую без наличия колючей проволоки; 2) отсутствовала сигнализация с постов к гарнизонам конвойных войск; 3) большинство зон в ночное время из-за отсутствия электроламп не освещались; 4) отсутствовали запретные внешние и внутренние зоны. В 1947—1948 гг. ситуация к лучшему не изменилась. В зимнее время запретные зоны были заметны снегом вровень с забором, а во время пурги и при отсутствии освещения не просматривались практически полностью.

Имели место курьезные случаи, отражающие состояние охраны лагерных отделений. В марте 1948 г. в бараке, где размещались военнопленные, был обнаружен спящим на койке помощник начальника транспортного цеха шахты № 11 г. Прокопьевска Н. И. Ворона. Последний был сильно пьян и на вопрос, как он попал в зону, ответил: «Не помню». Как выяснилось впоследствии, гражданин Ворона заблудился и проник в лагерь вследствие заноса снегом основного забора и отсутствия освещения по периметру зоны, поэтому часовые постов не могли просматривать свой сектор наблюдения [17].

Во многих лаготделениях на месте работ военнопленных объекты не были ограждены, частым явлением являлось отсутствие и пропускной системы. Такая ситуация приводила к постоянным контактам с гражданским населением, не связанным с процессом выполнения производственных работ. В отделении № 8 в г. Белово, например, 172 пленных разместили на втором этаже жилого дома, в то время как на первом проживали гражданские семьи [44].

При проверке также было установлено, что в отделениях № 2, 4 лагеря № 503 и в отделении № 10 лагеря № 525 в зонах вместе с 1 405 военнопленными немцами содержались 361 интернированная женщина, жилые помещения которых изолированы не были. Начальник гарнизона конвойных войск с возмущением докладывал, что после отбоя можно наблюдать прохаживающиеся под руку парочки, на заборах имелись надписи «Люблю фрау...», а число беременных женщин в лагере резко увеличилось [23]. К тому же интернированные из числа хозобслуги, как правило, имели широкую возможность общения с местным населением, могли покидать лагерь без охраны, содействовали нелегальной переписке пленных, проносили в зону запрещенные предметы, в том числе спиртное.

В лагерях № 503 и № 525 к середине 1946 г. имелось 17 отделений и 5 лапунктов. Вследствие их разбросанности на значительном расстоянии гарнизон конвойных войск испытывал постоянные трудности с охраной этих объектов при дефиците кадрового состава. В соответствии с приказом НКВД СССР от 27 июля 1945 г. № 0172 были созданы вспомогательные команды (ВК) из числа проверенных военнопленных независимо от их национальности и принадлежности к армиям воевавших против СССР государств для охраны и конвоирования контингента под руководством офицерского, сержантского или старшего вахтерского состава на работах хозорганов.

Вспомогательные команды размещали компактно на одном-двух основных участках вне зоны лагерей. Для них создавались улучшенные материально-бытовые условия в рамках казарменного положения, выдавалось приличное трофейное обмундирование с обязательной опознавательной нашивкой на левом рукаве шинели или гимнастерки, а работа оплачивалась хозорганом из расчета среднего заработка военнопленного, занятого на производстве [7].

Старшими вспомогательных команд назначались наиболее волевые, «политически грамотные», знающие русский язык солдаты. Устанавливался строгий распорядок дня. Ответственность за подбор кандидатур возлагалась на начальников управлений, лаготделений, оперотделов, их заместителей по режиму. В их обязанности также вменялись организация обучения вопросам охраны и конвоирования, проведение политзанятий, агентурное обслуживание [27].

За нарушения лагерного режима, правил внутреннего распорядка, выпивку, хищения лагерного имущества военнопленные вспомогательных команд подвергались взысканиям согласно дисциплинарному уставу Советской армии вплоть до удаления из вспомогательных команд, возвращения в зону или переводу с санкции ГУПВИ НКВД СССР в другие лаготделения [50].

Расконвоированные военнопленные составляли 9—10 % от общего состава работающих на производственных объектах Сибири [52]. Например, начальник УМВД по Кемеровской области генерал-майор Шамарин отмечал в своем приказе: «В Ленинске-Кузнецком и в Кемерово зафиксированы случаи, когда военнопленные немцы и японцы свободно гуляют по городу [цит. по: 28]». В 1947—1948 гг. японские военнопленные практически без конвоя работали и свободно перемещались по Улан-Удэ и другим населенным пунктам Бурятии. Практика расконвоирования контингента принесла определенные результаты, так как являлась стимулирующим фактором для соблюдения режима. Тем не менее случаи попрошайничества на улицах городов, беспрепятственного принесения в зоны запрещенных предметов, краж и продажи местному населению имущества лагерей были нередки. Например, расконвоированные пленные лаготделения № 1/503 в феврале 1947 г. срезали часть резины шахтного конвейера и принесли ее в лагерь, в результате чего шахта «Северная» не работала в течение 8 часов [26]. В лагере № 199 за различные правонарушения, в том числе за попытку пронести в лагерь спиртное, законвоированию были подвергнуты 15 военнопленных, из которых четверо из состава вспомогательных команд [36].

Несмотря на имеющийся недокомплект конвойных войск и вахтеров, ВК в ряде лагерных отделений до начала 1947 г. либо не были созданы совсем, либо вразрез с приказами и инструкциями содержались с нарушением режимных установок. Так, в г. Ленинске-Кузнецком вспомогательные команды, размещенные в палатках, практически не контролировались руководством, и военнопленные могли беспрепятственно выходить в город.

Полную изоляцию военнопленных от вольнонаемных лиц и гражданского населения, как того требовали приказы и инструкции НКВД, на деле обеспечить не представлялось возможным. В рамках производственного процесса пленные вынуждены были постоянно контактировать с рабочими и техническим персоналом. Практика создания специализированных участков для пленных, как правило, не имела успеха из-за определенного дефицита среди пленных квалифицированных рабочих. До середины 1948 г. на многих шахтах отсутствовали освещение разведок, стволов, шурфов, охрана путей следования спецконтингента от мойки до стволов.

На шахтах большинство шурфов не охранялись совсем. Не было изоляции контингента

от вольнонаемных рабочих в разведках и при спуске в шахту [3]. Ряд зон отделений были захламлены посторонними предметами, доступ пленных к складам, на которых хранились железные лопаты, ломы, вилы, топоры, был беспрепятственным; кузнечно-слесарные и автомастерские не были изолированы от жилых барачков.

В результате внезапных обысков, регулярно проводимых в лагерях, у пленных «на хранение» оказались многочисленные запрещенные предметы. Во всех лагерях контингент выводился на работы не по спискам, а по счету, а по возвращении с работы обыскивался далеко не всегда, поэтому список «изъятых ценностей» на протяжении всего периода существования лагерей (за редким исключением) оставался неизменным. К числу наиболее распространенных правонарушений военнопленных и интернированных относились хищения лагерного имущества, саботаж и отказ от работы, умышленное членовредительство, профашистская агитация и пропаганда, хулиганство, интимные отношения с женщинами из обслуживающего лагерного персонала, из числа медицинских работников и женщин, занятых на производстве.

За проступки виновному начальники и комиссары лагерей могли налагать следующие административные взыскания: выговор перед строем, назначение на сверхурочные или более тяжелые работы, перевод в худшие общежития, выдача в последнюю очередь вещевого довольствия, лишение дополнительного питания, ограничение в праве пользования личными деньгами на срок до двух месяцев.

За порчу или продажу лагерного имущества военнопленные и интернированные несли материальную ответственность. Администрации лагеря разрешалось удерживать стоимость испорченной вещи из денег виновного, имеющихся на его лицевом счету. Кроме того, при намеренной порче имущества лагеря контингент привлекался к дисциплинарной или к уголовной ответственности. За более тяжелые проступки (например, побег) пленный водворялся в штрафное отделение с особым режимом на срок от одного до трех месяцев или подвергался строгому аресту с содержанием на гауптвахте от 10 до 15 суток. В период ареста выдавался только хлеб по существующей норме и через день горячее питание.

Наказание отбывалось, как правило, в нерабочее время. Невыполнение приказов лагерной администрации, сопротивление или оскорбление их действием при исполнении служебных обязанностей приравнивались к воинским преступлениям. В этом случае виновные подлежали суду Военного трибунала [4]. На имеющиеся недостатки постоянно обращали внимание руководство лагерей начальники конвойных войск, тем не менее серьезные просчеты в организации охраны и режима содержания военнопленных и интернированных до 1948 г. ликвидированы не были.

В свою очередь начальники управлений лагерей неоднократно требовали от хозорганов выделения материальных средств на решение насущных проблем, однако понимание со стороны администрации промышленных объектов находили не всегда. Так, директор кирпичного завода № 3 на ходатайство начальника лагеря № 503 об ограждении объектов работ заявил: «Не ограждал и не буду, а если вы попытаетесь не вывести военнопленных на работы, то будете привлечены к ответственности» [45]. Подобная практика взаимоотношений руководства управлений лагерей и хозорганов на протяжении 1945—1949 гг. была отмечена практически повсеместно и существенно осложняла производственные отношения.

Серьезно осложняли охрану лагерей и трудовое использование контингента несогласованность действий и неуставные отношения, сложившиеся между офицерским составом лагерных отделений и гарнизоном конвойных войск по причине нежелания его командования подчиняться распоряжениям начальников лагерей. Иногда по прибытии на железнодорожные станции областных и районных центров военнопленные не выгружались из вагонов в течение нескольких дней, поскольку своевременно не выделялся конвой для их сопровождения в лагерь.

Нарушения трудовой дисциплины со стороны конвоя, несвоевременный вывод пленных на работу или неявка самих конвоиров наносили ощутимый ущерб производственному процессу. Например, неявка на работу конвоира 31 декабря 1948 г. на шахту № 5/7 в г. Анжеро-Судженске привела к тому, что две бригады немецких военнопленных вынуждены были оставить в рабочее время в зоне. Простой 28 человек в количестве 224 часов принес убытки лагерю на сумму 480 руб. 72 коп. [2].

Широкое распространение со стороны охраны получили случаи оскорблений, угроз и рукоприкладства, а также неправомерного применения табельного оружия. Глубокое расположение лагерей в Сибири, их отдаленность от государственных границ во многом притупляли бдительность конвойных войск. В отдельных лагерных зонах ворота весь день были распахнуты и запирались только на ночь. Часть вахтерского состава считала, что в усиленной охране военнопленных «доходяг» нет необходимости, так как «дальше Сибири все равно не сбегут» [5]. Так, в феврале 1947 г. начальник Управления лагеря № 503 вынужден был отчитываться перед ГУПВИ МВД СССР по причине неудовлетворительной организации охраны в ряде лагерных подразделений. Например, зона отделения № 2 имела восемь ворот, ни одни из которых на ночь не закрывались и никем не охранялись [25], практически без охраны оставались военнопленные лагерного пункта № 1 на кирпичном заводе, в то время как контингент в основном состоял из наиболее активных

«профашистски настроенных элементов», арестованных и подследственных, что привело к ограблению продовольственного склада на сумму 2 066 руб. [6].

В г. Сталинске Кемеровской области пленных отделения № 1/525 с августа 1948 г. по август 1949 г., несмотря на категорический запрет выводить контингент на работы хозорганов без конвоя, этапировали только под охраной ВОХР и лишь потому, что жилое помещение конвойных войск находилось в полутора километрах от лагеря, а неоднократные заверения его начальника о выделении для конвоя машины им выполнены так и не были. Чтобы не срывать производственные планы и государственные обязательства треста «Сталинскпромстрой», лагерь вынужден был пойти на расконвоирование военнопленных, дополнительно выделив для наблюдения над ними нескольких вахтеров и членов вспомогательных команд [1].

Широко укоренилась практика использования ВОХР не по назначению на различных хозяйственных должностях в качестве кладовщиков, счетоводов, сотрудников планово-финансовых служб [21], что отвлекало от выполнения прямых обязанностей и существенно затрудняло решение вопросов комплектования охраны. Руководству, партийным организациям и хозорганам потребовалось немало усилий и времени для того, чтобы сформировать административно-хозяйственный аппарат сибирских лагерей и добиться его полной работоспособности. В конечном счете все факты злоупотребления служебным положением не остались без внимания как администрации лагерей, так и УПВИ МВД СССР. Был ужесточен комплекс карательных санкций по пресечению нарушений трудовой и воинской дисциплины, в том числе административная и уголовная ответственность [22].

Мероприятия кадровой политики, проблемы организации охраны военнопленных на промышленных объектах и в лагерях неоднократно обсуждались на партийных собраниях и заседаниях партбюро обкомов сибирских областей. Начальники лагерей проводили более тщательный инструктаж дежурных по гарнизонам, вахмистров и нарядов конвойных войск. Требования сводились к безукоризненному выполнению своих служебных обязанностей, определяемых приказами и инструкциями по охране военнопленных.

В деле обучения личного состава администрации контролировали политотделы лагерей. В то же время оперативные отделения и отделы активизировали агентурно-осведомительскую деятельность по выявлению, раскрытию и предотвращению служебных преступлений среди лагерного персонала [33]. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» растраты и должностное присвоение стали рассматриваться как хищение, а под-

следственные в обязательном порядке подлежали уголовной ответственности.

По фактам незначительных растрат, не заслуживающих уголовного преследования, производились служебные расследования, виновные наказывались в административном порядке и финансовыми взысканиями. Согласно распоряжению МВД СССР от 15 сентября 1947 г., допрос военнопленных в качестве свидетелей по делам личного состава лагерей и других советских граждан в суде допускался только с санкции ГУПВИ МВД СССР в тех случаях, когда отсутствовали другие изобличительные обвинительные материалы [19]. За 1943—1950 гг. растраты, присвоение и хищения, совершенные должностными лицами в лагерях для военнопленных Сибири, стали самым распространенным посягательством на государственную собственность. С IV квартала 1946 г. совместные ревизии представителей УМВД и оперотделов деятельности финансовых аппаратов и хозяйственных служб стали регулярными, а по их результатам в управлениях лагерей проводились расширенные производственные совещания, партийные собрания с участием всех ответственных работников лагерных отделений, на которых подробно обсуждались итоги проверок и предлагались конкретные меры [14].

Факты злоупотреблений персонала лагерей порою меркли по сравнению с «громкими делами» руководящих кадров, получивших серьезную оценку в ГУПВИ МВД СССР. В справке «О преступной деятельности бывшего начальника Управления лагеря № 526 майора Сипкина» указывалось, что в 1945—1946 гг. он заключил без ведома администрации УПВИ ряд хозяйственных договоров с председателями колхозов, предоставляя им для сельхозработ военнопленных, труд которых в документах не учитывался. В результате махинаций должностного лица военнопленные отработали более 16 000 человеко-дней, оплаченных руководством продуктами питания, в результате чего ущерб лагерю составил 100 000 руб. Начальник Управления лагеря № 526 стал «способствовать» ревизии и возвращению вещего имущества после заведения уголовного дела. В ходе расследования выяснилось, что он присвоил себе звание майора, тогда как был в звании старшины. Опасаясь ответственности, он из лагеря дезертировал, был заочно снят с работы и передан суду Военного трибунала [31].

Начальники лагерей постоянно жаловались на недостаток финансовых средств, отсутствие учебных наглядных пособий, литературы, опытных инструкторов, а также на несознательность, уклонение от учебы административно-хозяйственного аппарата под любым благовидным предлогом, а то и нежелание части контингента конвойных войск охранять бывших врагов Отечества.

Недокомплект боевого состава гарнизонов конвойных войск и ВОХР, в особенности

в 1945—1947 гг., явился главной причиной всех побегов из лагерей и отдельных рабочих батальонов Сибири. Более 60 % всех побегов были совершены военнопленными с производства, примерно 40 % происходили или во время этапирования или из зоны лагерей. Максимальное количество побегов приходилось на 1945—1947 гг., т. е. на период, когда вопросы организации режима оставляли желать лучшего и решались с большим трудом.

Неблагополучными по охране контингента лагерей, и как следствие по побегам, были все кузбасские, алтайские и иркутские лагеря. Так, за весь период существования лагеря № 7 в Иркутской области в период с 1945 по 1949 г. военнопленными было произведено 34 побега, 28 из них были ликвидированы местными оперативными группами и бригадами содействия, которые были созданы в 24 близлежащих населенных пунктах. На момент ликвидации лагеря шесть японских военнопленных числились в бегах. Из лагеря № 32 все 14 бежавших были пойманы и водворены в штрафные отделения лагеря. Здесь в городах и деревнях успешно действовали 62 базы содействия, в которых состояло почти 400 человек [54]. Известны два случая побега из лагерей, расположенных на территории Красноярского края. Один из лагерного отделения № 4 (ст. Усть-Бюрь), когда двое военнопленных, чтобы отвлечь охрану и устроить побег, подожгли лесосеку.

Через две недели один из бежавших военнопленных вернулся в лагерь, а второй заболел и погиб где-то в тайге. Во втором случае трое военнопленных бежали из Черногорска, убив двух хакасов и забрав их лошадь с телегой. Позже двоих задержали возле с. Ужура, а третий добрался до с. Ермаковское и даже осел там, женился и стал работать кузнецом, но и его вернули обратно в лагерь [30].

В Кемеровской области несанкционированную свободу пытались получить 319 человек (84,9 % от их общего числа). Из отделений лагеря № 525 было совершено 57,4 % от всех побегов, при этом 28 групповых. В основном именно в этом лагере был сосредоточен «режимный» контингент («власовцы», бывшие эмигранты и члены их семей, «военные преступники», военнопленные, склонные к побегам, различным преступлениям) [37].

В Алтайском крае удалось осуществить побег 47 военнопленным. Из 26 побегов 5 имели групповой характер, 32 человека пытались достичь дорогой земли в одиночку. Кроме того, на станции Барнаул был задержан бежавший из Кемеровской области военнопленный немец Карл Салай и препровожден в лагерь № 128. Благодаря активным агентурно-осведомительским мерам удалось пресечь 15 попыток военнопленных незаконным путем отправиться на родину.

За весь период деятельности лагеря № 93 в Тюменской области было осуществлено

17 побегов, из которых 47,8 % — из-под охраны конвойных войск. В этом лагере наиболее показательный случай произошел 1 июня 1947 г., когда из группы в 25 военнопленных, выведенных на работы подсобного хозяйства под охраной лишь одного инспектора по учету, ушедшего домой со своего поста, сбежал осужденный военный преступник, член СС, немец Адольф Леопольдович Кебель. Уроженец Санкт-Петербурга из семьи эмигрантов бесследно исчез и найден не был [32]. Как следует из документов, данный факт руководство лагеря «не обеспокоило», так как уже через месяц в июле 1947 г. 20 военнопленных из отделения № 2, направленные на сенокос в глухой лесной массив по Червишевскому тракту под охраной только вспомогательной команды, заблудились. К назначенному времени не вернулись четверо немцев, двое из которых были найдены в 6 км от лагерной зоны, а военнопленного Ганса Густава обнаружить не удалось.

В Новосибирской области с 1944 по 1948 г. было зарегистрировано 12 побегов семнадцати военнопленных, из которых неразысканными остался лишь один, два человека были убиты при задержании и один ранен при попытке к бегству в 1944 г.

Совершить удачный побег из глубоких тыловых районов СССР было почти невозможно. Еще сложнее было достичь своей родины тем из узников, которые осмеливались на побег из лагерей, расположенных в Сибири. Им предстояло преодолеть многотысячные расстояния по незнакомой местности, без пищи, теплой гражданской одежды и знания языка. И все-таки самые отчаянные, стремившиеся к свободе, отваживались на побег, который заканчивался трагически. Например, бежавший 25 декабря 1945 г. из-под охраны конвоя гарнизонных войск военнопленный немец Эрих Август Фуглер замерз в окрестностях г. Рубцовска, так и не увидев долгожданной родины. Военнопленный японец из лагеря № 511 был застрелен во время задержания [16]. Случаи смертельных исходов в результате побегов пленных имели место в Тюменской, Новосибирской, Иркутской, Читинской и Кемеровской областях, в Красноярском крае и Бурят-Монгольской АССР.

Несмотря на суровые наказания за укрывательство беглых, известны случаи, когда местные жители, особенно в так называемых «немецких» селах, оказывали им помощь и давали приют. Военнопленный румын Сабо сумел добраться до советско-румынской границы [48]. Так и не найденными остались 38 военнопленных и интернированных, «растворившихся» в сибирской глубинке. По спискам военнопленных и интернированных, совершивших побег, удалось установить, что сумели скрыться 24 человека русских, украинцев, белорусов из состава «власовцев» и членов семей эмигрантов, находящихся в лагерях Кемеровской области [51].

К одним из основных факторов, усложнявших побег военнопленных, следует отнести суровые природно-климатические условия Сибири, поэтому большинство побегов приходится на весну, лето и осень. Проиллюстрируем это на таком примере. Из 39 побегов, совершенных в 1946 г. военнопленными-японцами из лагеря № 7, 38, пришлось на пять месяцев с мая по сентябрь. Ни один побег из этого лагеря не увенчался успехом. Для того чтобы успешно совершить побег, требовалась помощь местного населения. На нее пленные восточносибирских лагерей, в отличие, например, от Кемеровской области, рассчитывать не могли.

Для предотвращения побегов и поимки беглецов на территории Сибири с 1947 г. повсеместно были созданы бригады содействия, в которые входили сельские активисты, учителя, председатели колхозов, работники железнодорожных станций, рабочие крупных промышленных предприятий. Розыскные мероприятия по преследованию и задержанию беглых военнопленных из лагерей осуществлялись силами специально созданных из личного состава 6—10 оперативных розыскных групп [15].

В Кемеровской области приказом начальника НКВД от 22 августа 1945 г. были выставлены оперативные заградительные посты в ряде населенных пунктов, которые действовали совместно с местными органами управления и бригадами содействия [20]. По Новосибирскому району 10 бригад содействия численностью до 85 человек создавались в населенных пунктах в направлениях наиболее вероятного движения беглецов, на железнодорожных станциях и в районе переправ.

В соответствии с планами ближнего и дальнего розыска в Тюменской области действовали 17 бригад содействия с численным составом 79 человек, из них по партийной принадлежности: 27,9 % коммунистов, кандидатов в члены ВКП(б), комсомольцев и 72,2 % беспартийных активистов. Администрацией лагерей № 33 и № 34 в 76 населенных пунктах Красноярского края на пути возможного движения беглецов было организовано 90 бригад содействия с количеством членов в них 429 человек. В 32-м лагере (Иркутская область) было организовано 62 бригады содействия войсками НКВД с привлечением в них 395 человек [49].

Члены бригад содействия привлекались к поиску бежавших наряду с оперативными розыскными группами, милицией, военнослужащими Красной армии, местной администрацией населенных пунктов и особенно всеми, кто работал на железных дорогах. Значительную роль в деле задержания бежавших военнопленных сыграла 261 бригада содействия с численным составом 1 677 человек, располагавшаяся в 116 населенных пунктах, окружающих лагерь № 36, № 128 и № 511, и объединившая 63 % коммунистов, комсомольцев, сельских

и городских активистов. С участием местного населения было задержано до 20 % беглецов. Наиболее отличившимся при задержании были выданы премии от 50 до 200 руб. или ценные подарки. В феврале 1948 г. состоялась проверка ГУПВИ МВД СССР по выполнению приказа № 0172 о деятельности бригад содействия в лагерях Алтайского края, Тюменской, Новосибирской и Кемеровской областей, в ходе которой были выявлены просчеты и отмечены преимущественно положительные результаты в их деятельности [11]. Приказами начальников НКВД были выставлены оперзаградпосты в ряде населенных пунктов, которые действовали совместно с местными органами управления и бригадами содействия [20]. В феврале 1948 г. состоялась проверка ГУПВИ МВД СССР по выполнению приказа № 0172 о деятельности бригад в лагерях всех сибирских областей, в ходе которой были выявлены просчеты и отмечены положительные результаты в их деятельности [11].

С учетом опыта предыдущих лет «неблагонадежных» военнопленных, склонных к совершению диверсий, переводили на второстепенные объекты, во вспомогательные цеха и на подсобные работы. Агентура и осведомители вели наблюдение за рациональным использованием рабочего времени, количественными и качественными результатами труда.

Был принят комплекс мер по предотвращению эксцессов в виде голодовок и умышленного членовредительства. Практически на всех производственных участках в 1943—1950 гг. агентура, осведомители и антифашистские активы фиксировали многочисленные факты срыва пленными производственных заданий. Оперативные отделы УМВД систематически выявляли исполнителей диверсионных актов, злостных саботажников, случаи преступных взаимоотношений пленных, особенно интернированных и советских граждан на производстве и в лагерях.

Высокие показатели вредительства и диверсионной деятельности зафиксированы на предприятиях угольной, торфодобывающей, машиностроительной, лесоперерабатывающей промышленности, где условия труда были наиболее тяжелыми. Причем первые случаи массового вредительства (заземление проводов, подставка крючков под пилы, уничтожение инвентаря) на лесобирже в Тюменской области чекисты вскрыли в ноябре 1943 г.

Результатом розыскной деятельности оперативников лагерного отделения № 13/525 стало разоблачение группы воров под руководством команданта санчасти осужденного военнопленного Буша, на протяжении длительного времени незаконно реализовывавших имущество лазарета. При обыске у него обнаружили 65 пар белья, 8 простыней и другие материальные ценности, которые он продать не успел. Все 6 человек получили срок 10 лет ИТЛ со строгой изоляци-

ей [13]. Широко освещался в лагерной стенной печати открытый показательный процесс над военнопленным Гапмелем, допустившим умышленный брак 176 деталей «с целью нанесения ущерба Киселевскому „Углемашзаводу“» [24].

В III квартале 1947 г. в Кемеровской области розыскные дела были заведены на 27 хорошо владеющих русским языком сотрудников японских разведывательных органов, «эмиссаров профашистских организаций», из которых четверо (Мияно Масао, Охара Миеси, Митсугана, Ивай Тасио) были взяты в оперативную разработку по причастности к имевшим место в Кузбассе диверсиям. Для предотвращения терактов эту группировку изолировали, в соответствии с собранными компрометирующими материалами арестовали и осудили на закрытом судебном заседании Военного трибунала ЗапСибВО на сроки 10—25 лет в колониях усиленного режима Кемеровской области.

С целью совершенствования агентурно-оперативной работы Оперативное Управление ГУПВИ МВД СССР направило в оперотделы лагерей переводчиков японского языка, а также настоятельно рекомендовало в качестве агентов использовать японцев, владеющих английским и немецким языками. Особое внимание обращалось на форсирование разработки фигурантов агентурных дел «Гитлеровцы», «Фашисты», «Нацисты». По оперативным всесоюзным ориентировкам по принадлежности к ОУН, УПА, «Громада», «Русский, украинский и белорусский комитеты» следственные дела 43 интернированных группы «Г» были переданы на рассмотрение Особого Совещания при МВД СССР [8].

В ряде донесений осведомители отмечали факты «преступного сговора» немцев-переводчиков оперативных отделов с военнопленными и интернированными. Были вскрыты нарушения правил перлюстрации лагерной переписки. Например, проверка деятельности переводчиков оперативно-чекистского отдела (ОЧО) немцев Г. И. Бауэра и П. Р. Боша показала, что из 52 525 писем, отправленных в Германию из лагеря № 526, 1 463 подлежали изъятию, а в 225 содержались не подлежащие разглашению сведения [8, л. 150, 154].

Несанкционированной переписке в ряде случаев способствовал медицинский, хозяйственный лагерный персонал (чаще всего женщины, переводчики из числа советских и интернированных немцев), который в обход цензорских отделений отправлял письма военнопленных через городские почтовые отделения. В то же время в директиве от 22 ноября 1946 г. № 275 ГУПВИ СССР настоятельно рекомендовало через переписку с родственниками военнопленных выявлять лиц, служивших в СС, СА, СД, скрывавшихся в лагерях под чужими фамилиями и выдававших себя за подданных других государств. Особенно это стало актуальным в период массовой репатриации 1948—1949 гг.

В Кемеровской области, например, подозрительным 180 немцам в принудительном порядке были розданы почтовые открытки, которые после заполнения отправлялись в Бюро по розыску пропавших без вести в Берлине для установления в оперативных целях их родственных связей и контактов [18]. В лагерях Алтайского края и Тюменской области в ходе переписки были идентифицированы ряд преступных лиц и установлено их гражданство [29].

Репатриация 1945—1949 гг. являлась отправной точкой роста негативных настроений, умышленного членовредительства, суицидов и симуляции болезней. Для профилактики подобного вида преступлений в лагерях были проведены: дополнительная вербовка вольнонаемных и военнопленных осведомителей среди медицинских кадров; собрания военнопленных политотделами и антифашистскими активистами; усиление цензуры по перлюстрации лагерной переписки и ужесточение наказания.

По выявленным фактам все виновные в обязательном порядке привлекались к уголовной ответственности, а приговоры военных трибуналов публично оглашались перед строем контингента лагерей [10]. Возрастающая волна членовредительства на производстве потребовала разработки специального плана, согласно которому с сентября 1947 г. совещания руководства МВД с оперативным составом по вопросу своевременного пресечения диверсионно-вредительской деятельности и саботажа на производстве стали регулярными.

Подводя итоги, можно констатировать следующее. В деле организации и деятельности сибирских лагерей МВД СССР для военнопленных имелось немало трудностей, но одной из самых острых за весь период их существования являлась кадровая проблема. На протяжении 1945—1947 гг., т. е. в момент наибольшей концентрации военнопленных в производственных лагерях, когда администрацией лагерей в первую очередь решались серьезные проблемы по их физическому сохранению, а руководством хозяйственных органов — максимально эффективное его трудовое использование, вопросы кадрового обеспечения лагерей и охраны военнопленных «уходили» на второй план.

Однако все возрастающее количество побегов, многочисленные нарушения лагерного режима и, наконец, жесткая необходимость и важность организации производственного процесса в военное и послевоенное время в условиях дефицита трудовых ресурсов, прежде всего на промышленных предприятиях Сибирского региона, выполнение государственных плановых заданий, выдвинули проблемы организации кадровой обеспеченности лагерей, вопросы охраны и режима военнопленных и интернированных на первый план.

В 1947—1949 гг. произошли качественные изменения в кадровом составе лагерей вследствие проведенных административно-воспита-

тельных мероприятий: сокращения нерентабельных и малокомплектных, необеспеченных нормальными жилищно-бытовыми условиями отделений и подкомандировок, укомплектования освобожденными квалифицированными офицерами, вахтерами и вольнонаемными сотрудниками лагерей; укрепления воинской дисциплины, боевой и служебной подготовки личного состава через их обучение, переподготовки и регулярных проверок в соответствии с инструкциями и директивными указаниями МВД СССР; усиления контроля политотделов и оперативных отделов, активизации агентурно-осведомительской деятельности по раскрытию и предотвращению служебных преступлений, проведения карательно-репрессивных мер.

Проводимая кадровая политика, проблемы организации охраны контингента на промышленных предприятиях и на объектах работ, действия начальников лагерей контролировались и решались на партийных собраниях, заседаниях партбюро предприятий и обкомов, вырабатывающих рекомендации по исправлению негативных ситуаций, что, в свою очередь, способствовало решению кадровых вопросов, улучшало политико-моральное состояние лагерного персонала.

Обновление состава административно-хозяйственного аппарата, привлечение на службу лиц, обладавших опытом работы в органах МВД, проведение стимулирующих мероприятий по соблюдению режима позволили в определенной степени ликвидировать многочисленные просчеты в управлении лагерями, более качественно организовать охрану военнопленных и интернированных, укрепить режим, минимизировать количество побегов и предотвратить иные правонарушения лишь к концу 1947 г., что способствовало упорядочению производственных отношений между управлениями лагерей и промышленными предприятиями, администрацией лагерей и руководством гарнизонов конвойных войск. Тем не менее до конца решить проблему комплектования качественным персоналом лагерей, гарнизонов конвойных войск и вневедомственной охраны не удалось, о чем свидетельствовали многочисленные нарушения режима и побегі военнопленных.

Список литературы

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-194. Оп. 2. Д. 22. Л. 82.
2. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р-248. Оп. 2. Д. 16. Л. 811.
3. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 39. Л. 49.
4. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р-442. Оп. 1. Д. 14. Л. 6—8.
5. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р-626. Оп. 6. Д. 9. Л. 136.
6. Государственный архив Кемеровской области. Ф. Р-626. Оп. 6. Д. 9. Л. 9.

7. *Государственный архив Кемеровской области*. Ф. Р-194. Оп. 2. Д. 22. Л. 6—7.
8. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 837. Л. 164—165.
9. *Информационный центр ГУВД Алтайского края (ИЦ ГУВД АК)*. Ф. 17. Оп. 1. Д. 11. Л. 14—15, 67.
10. *Информационный центр ГУВД Алтайского края*. Ф. 17. Оп. 1. Д. 13. Л. 17.
11. *Информационный центр ГУВД Алтайского края*. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.
12. *Информационный центр ГУВД Алтайского края*. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 150, 154.
13. *Информационный центр ГУВД Алтайского края*. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 189.
14. *Информационный центр ГУВД Алтайского края*. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2. Л. 56, 59.
15. *Информационный центр ГУВД Алтайского края*. Ф. 17. Оп. 1. Д. 4. Л. 65.
16. *Информационный центр ГУВД Алтайского края*. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 4. Л. 155.
17. *Информационный центр ГУВД Кемеровской области (ИЦ ГУВД КО)*. Ф. 11. П. 2. Д. 9. Л. 46—47.
18. *Информационный центр ГУВД Кемеровской области*. Ф. 11. П. 1. Д. 6. Л. 43.
19. *Информационный центр ГУВД Кемеровской области*. Ф. 11. П. 1. Д. 6. Л. 66.
20. *Информационный центр ГУВД Кемеровской области*. Ф. 11. П. 11. Д. 2. Л. 79—80.
21. *Информационный центр ГУВД Кемеровской области*. Ф. 11. П. 6. Д. 3. Л. 11.
22. *Информационный центр ГУВД Кемеровской области*. Ф. 11. П. 6. Д. 3. Л. 40.
23. *Информационный центр ГУВД Кемеровской области*. Ф. 11. П. 7. Д. 2. Л. 14—16.
24. *Информационный центр ГУВД Кемеровской области*. Ф. 11. П. 7. Д. 8. Л. 147.
25. *Информационный центр ГУВД Кемеровской области*. Ф. 11. П. 9. Д. 2. Л. 8.
26. *Информационный центр ГУВД Кемеровской области*. Ф. 11. П. 9. Д. 2. Л. 9.
27. *Информационный центр ГУВД Кемеровской области*. Ф. 11. П. 9. Д. 6. Л. 41.
28. *Информационный центр ГУВД Кемеровской области*. Ф. 11. П. 9. Д. 6. Л. 67.
29. *Информационный центр ГУВД Томской области*. Ф. 27. Оп. 20. Д. 13. Л. 6.
30. *Кузнецов С. И.* Японские военнопленные в Сибири (1945—1956 гг.): науч.-информ. бюл. № 4. 1995. С. 56—67.
31. *Российский государственный военный архив (РГВА)*. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 354. Л. 88—89.
32. *Российский государственный военный архив*. Ф. 124п. Оп. 1. Д. 2. Л. 26—27.
33. *Российский государственный военный архив*. Ф. 124п. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.
34. *Российский государственный военный архив*. Ф. 124п. Оп. 1. Д. 1. Л. 6—8.
35. *Российский государственный военный архив*. Ф. 166п. Оп. 1. Д. 1. Л. 16—24.
36. *Российский государственный военный архив*. Ф. 166п. Оп. 2. Д. 5. Л. 42.
37. *Российский государственный военный архив*. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 17. Л. 30—31.
38. *Российский государственный военный архив*. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 331. Л. 8.
39. *Российский государственный военный архив*. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 76. Л. 54.
40. *Российский государственный военный архив*. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 5. Л. 44—45.
41. *Российский государственный военный архив*. Ф. 1п. Оп. 05е. Д. 2. Л. 117—118 а.
42. *Российский государственный военный архив*. Ф. 1п. Оп. 13а. Д. 12. Л. 15—15об.
43. *Российский государственный военный архив*. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 12. Д. 280.
44. *Российский государственный военный архив*. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 17. Л. 101—107; 142—143.
45. *Российский государственный военный архив*. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 17. Л. 143.
46. *Российский государственный военный архив*. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 345. Л. 71.
47. *Российский государственный военный архив*. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 347. Л. 33—35.
48. *Российский государственный военный архив*. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 352. Л. 80—81.
49. *Российский государственный военный архив*. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 76. Л. 60.
50. *Российский государственный военный архив*. Ф. 1п. Оп. 15в. Д. 1. Л. 13—14.
51. *Российский государственный военный архив*. Ф. 32п. Оп. 12. Д. 18. Л. 1—18.
52. *Российский государственный военный архив*. Ф. 32п. Оп. 2. Д. 10. Л. 13.
53. *Российский государственный военный архив*. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 3. Л. 25.
54. *Шалак А. В.* Японские военнопленные на территории Иркутской области: динамика численности, условия проживания, трудовое использование (1945—1949 гг.) // Иркут. истор.-экон. ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. С. 225—232.

N. M. Markdorf

**SECURITY ORGANIZATION AND REGIM OF DETENTION FOR PRISONERS OF WAR
AND INTERNEES IN SIBERIAN CAMPS IN 1945—1950**

The article provides an analysis of the problems of the provision of camps in Siberia with personnel and the protection of foreign prisoners of war and internees in the 1945—1950s, which were considered and resolved both at the state and regional levels. Despite the low personnel potential, a systematic under-staffing of the military personnel of the garrison of the convoy troops and private security in 1947—1948 largely these problems were solved. This was made possible thanks to the complex of administrative and educational measures, the reduction of unprofitable and understaffed units, the staffing of the camps with freed up qualified officers, prison guards and civilian employees, the strengthening of military discipline, the combat and service training of personnel, the strengthening of control by political departments and operational departments, and the intensification of intelligence -information activities. It was possible to reduce the number of shoots.

The article is written based on a wide range of archival sources.

Keywords: prisoners of war, internees, camps for prisoners of war and internees, Siberia, detention regime, protection of prisoners of war, escort troops.